

Подписная плата въ мѣсяцъ за 7 номеровъ въ неделю:
 въ Латвіи Ls. 3.50 (175 руб.)
 За границей 5.20 (260 ")
 " 1 амер. дол.

Цена отдельнаго номера:
 въ Латвіи:
 12 сант. (6 латв. руб.)

въ Литвѣ: за оба издан. 60 пек.
 въ Польшѣ: за оба издан. 30 грш.
 " за утреч. 30 "
 " воскр. 35 "

СЕГОДНЯ

ОБЪЯВЛЕНИЯ:

За строку петита или заним. ею мѣсто — въ Латвіи
 въ текстѣ Ls. 1.40 (70 р. латв.) } +5%
 предл. труда " —.14 (7 " ") } гор.
 позади текста " —.34 (17 " ") } налога
 Для заграницы —.10 амер. цент. за строку петита

Редакція, главная контора и экспедиція
РИГА, Елизаветинская ул. (Elizabetes iela) № 83/85.
 Телефонъ редакціи 9-2-9-5-9 и 7700, гл. конторы 59-90.
 Отдѣленія конторы въ Ригѣ: Известковая 18, тел. 5-24, ул. Свободы 27,
 ул. Поли. Брѣдиса 2, Московская ул. 106.

Почтовый ящикъ № 85.

Текущіе очета

въ банкѣ Латвіи № 534.
 въ коммерческомъ банкѣ, Ковно № 638.
 на главной почтѣ № 115.

Сныпые.

(Барашаюмъ въ натури).

Въ лазаретъ нашего бѣженскаго лагеря было двое сныпыхъ, и оба — офицеры.

Одинъ — совсѣмъ молодой, на рѣдкость красивый мальчикъ — потерялъ зрѣнье въ бою. Ему было неполныхъ двадцать два года, когда пуля «зачухала» по главному, и сразу, и безповоротно ослѣпилъ.

Другой пересталъ видѣть уже зрѣлыми человѣкомъ, гдѣ-то грядущи пошла, и тоже на войну. Но опъ и самъ не могъ сказать точно, отчего ослѣдъ: отъ удивительныхъ ли газонъ, или отъ перава снарядовъ. И газонъ атака, и взрывъ произошли на протяжении одного часа и когда отъ удивительнаго газа прошель и всѣ шестидесятъ минутъ страшной муки окончилосъ, то въ лазаретъ его привели уже ослѣплымъ.

Я часто захохалъ въ этомъ нелюдимѣ, чтобы почитать или газеты или развѣять разговоромъ и меня всегда поражало, до чего люди неоднакового и по разуму переносить свое несчастье.

Молодой прорицатель, котораго всѣ мы такъ просто называли Петей, переживалъ свое горе необычайно тяжело и одиноко. Казалось, всѣ надежды уже отлетѣли отъ этого красиваго мальчика и въ душѣ его не оставалось ни единого прощанья. Опъ былъ неразговорчивъ, упрямъ, иногда невѣжливо и фальшивыми глазами на своей койкѣ, поворачивалъ лицомъ къ стѣнѣ.

Бѣлая мысль бродила въ этой 22-лѣтней курчавой головѣ? О чемъ онъ думалъ среди вѣчной ночи: надѣлся ли на чудо, ждалъ ли разсвѣта или металъ о скоромъ концѣ?

Опъ часто не слышалъ то, что и читалъ и, случалось, прерывалъ меня неожиданными вопросами: — А вдругъ я доживу до 60 лѣтъ? Видѣть это же такое? Погнута только: еще тридцать восемь лѣтъ ждать!

Второй сныпыхъ, капитанъ Дмитрій Константиновичъ Инозавскій, составлялъ полную противоположность Петѣ. Несчастье не ослѣдило его, а сжигало. За тѣ года, что опъ не видѣлъ свѣта, опъ весь просвѣтѣлъ и по новому, совсѣмъ по-другому, сталъ смотрѣть и на людей, и на жизнь, и на смерть. Ни о комъ, никогда опъ не отзывался злорадно и добродушно мнѣи юморъ, такъ и свѣтлѣла на его лицѣ и даже въ его красивыхъ, большихъ, но потухшихъ глазахъ.

Разъ какъ-то я пропалъ сныпыхъ чехословацкаго «Каптанку» и всѣмъ тремя мы разговаривали.

— Ахъ, я люблю и Чеховъ! — съ удивленіемъ говорилъ Дмитрій Константиновичъ. — Больше всѣхъ писателей въ мѣрѣ его полюбилъ! Опъ бои и утѣшилъ, и соргизъ, и разсѣялъ! До чего озабоченный человѣкъ! ...

— А Толстого?

— Толстого уважалъ и полюбилъ и удивился. Опъ, какъ гора, стоитъ среди Россіи. А Чеховъ — это долина: съ дузами, съ цѣпами, съ вышними садами. Не знаю, можетъ быть, это грѣхъ сказать, но Толстой это вродѣ, какъ Саваофъ въ литературѣ, а Чеховъ какъ братъ родной... Ихъ и сравнивать нельзя: развѣ Саваофъ можетъ быть мѣмъ, капитану Инозавскому, братомъ? А Чеховъ — братъ, да еще какой чудесный, славный братъ! Мнѣ особенно приятно, что Чеховъ былъ русскій. Я бы сказала, если бы опъ былъ нѣмецъ или французъ.

Мнѣ эта мысль капитана показалась забавной и я засмѣялся.

— Нѣтушки обидѣны бы?

— А ей-Богу... Видѣть это очень приятно сказать, что на нашей землѣ такіе дубы вырастаютъ: корнями опъ тебѣ упретъ въ землю русскую, а вершиной, макушкой въ небо уходитъ.

И сколько жѣ было у насъ большихъ людей, такъ даже удивительно право...

Капитанъ замолчалъ и потомъ неожиданно прибавилъ:

— А вотъ Петя не любитъ Россіи... По крайней мѣрѣ горитъ, что не любить... А я такъ думаю, что вродѣ мальчико: любить и еще какъ любить-то!

Петя, который по своему обыкновѣнію, лежалъ лицомъ къ стѣнѣ, даже не повернулся въ намъ и только пробурчалъ себѣ подъ носъ:

— Опять на патристическія темы!... Да за что мнѣ же любить-то вашу Россію? Чѣмъ это она меня такъ ослѣдствовала? Погнутаю тое...

— Да какъ же мать родную не любить, гавный мой мальчикъ!...

— Кому мать, а мѣмъ маучей припала... Хороша мамаша, чертъ ее возьми: отпала у сына глаза и вытолкала слѣплого въ шею... въ чудшіе люди выпала!...

Петя неожиданно повернулся въ намъ лицомъ, потомъ сѣлъ на своей койкѣ и обогналъ свои газыми глазами, губками и темными, въ мою сторону.

— Вы, Александръ Александровичъ, даже представитъ себѣ не можете, сколько въ этомъ милкомъ старшавшій такъ называемомъ добродушіи: бабьего, старшавшій! Мы только подумали: «дорогая родина» вышла его на родину и какъ «дорогой родина» опъ отпалъ свои глаза. Что это значить — глаза? Это гораздо больше, чѣмъ жизнь, много больше, въ тысячу разъ больше! А потомъ, уже бои гажь, опъ прѣхалъ съ фронта въ «родной уголъ». Былъ у него домъ, садъ и ключевъ земля — десятины шестидесятъ, не такъ ли? — Шестидесять три десятины.

— Отлично. Шестидесятъ три. И вотъ, въ

«дорогой родинѣ» всыпила «великая и безпронная»... Дорогие сорганида взяли у него землю, ували скотъ, ограбили домъ, проломали черепъ его двоюродному брату, а его, слѣплого, выгнали на всѣ четыре стороны. Кто подобралъ его, когда опъ бродилъ по Поворосіи, держась за стѣны домовъ? Англичане подобрала. А если бы не подобрала, такъ его бы такъ и растоптали революционными кошками... Но вотъ подите же: опъ все еще гадитъ про «родную-мать», все влюблется въ свою «Рассеяшку»... Эй Богу, слушать прогнито...

Поса Петя говорилъ, капитанъ Инозавскій все началъ укорачивать голову.

— Ахъ, душень... Ахъ, душень какой!... И когда ты, мальчанина, болѣеишъ слѣзайся? Ну совсѣмъ, совсѣмъ мальчикъ... Слышите, Александръ Александровичъ, что плететь? Вѣдь уши вынутъ!

Но Петя не унимался.

— Я, по крайней мѣрѣ, сѣнусь, когда мнѣ говорятъ про «дольгъ родинѣ». Я ей плечо не должеть, а она мнѣ должна все!... Это со мной неестно расшатались!...

— Слышите, Александровичъ! Слышите, что опъ говоритъ? — Такъ вѣдь говорю же тебѣ, бѣдный ты мальчикъ, что твоя мать была бы, въ бреду была, когда ты ей полъ рубль поворачивалъ! Развѣ человѣкъ въ бреду отвѣчаетъ за свои слова и за свои поступки? Опъ, какъ не хорошо, Петя!...

— Огорчаешь ты меня! Такъ можно это сравнить, что всѣ пародъ намъ сойбасъ на крестъ виситъ, а ты мнѣ прохлонишь и говоришь — это всяцкому то на крестъ говоримъ: — А ты, сукавъ сынтъ, три рубля мнѣ оставилъ должеть!... «Да, Петичка, должеть... оставилъ должеть... Я не говорю — три рубля и мнѣ должеть и тебѣ должеть... Это слово нѣтъ. А только какъ же ты съ всяцкому на крестъ требуешь? Намъ, вродѣ тое... Нѣтъ, не хорошо, Петя... Мальчикъ ты славный, сердце у тебя хорошее, а какъ ослѣдствовал... Очень, очень несправедливо говоришь...»

Капитанъ помогалъ, подросель меня зажечь опъ напроору, а Петя, не отвѣчая ни слова, опять легъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Наступило молчаніе и я видѣлъ, что сныпыхъ никогда не стокуются между собой. Было мнѣ очень тяжело. Черезъ минуту, Петя опять обогналъ, ни въ кому не обращаясь:

— А вдругъ мнѣ еще лѣтъ сорокъ жить придется?

Никто ему не отвѣтилъ. А капитанъ, докурился напроору, продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало свои мысли:

— И про мужиковъ, которые меня «подымали», тоже ты, Петя, знаешь лишнее. Они не сами по себѣ... Мы съ ними хорошо жили... А дѣло въ томъ, что автиторъ къ намъ прѣхалъ... Десять такой молодой... Страсть, сныпной малый попался. Все опъ не жукашка, по деревенскъ

говорить хотѣлъ и никакъ, не могъ... — «Вотъ что, православные... Такъ, стало быть, православные, что землю подыталъ надо...»... Которые жукашко... И тутъ же про «латифудію» загнбалъ и про «любовниковъ Батерны» объяснялъ. И сѣхъ, и грѣхъ, право... — Это я-то въ «любовники Батерны» попалъ, да еще съ «латифудіей» въ шестидесятъ три десятины!... Но подыталъ-то меня подыталъ, а вотъ недавно и изъ деревни нѣсью отъ мужика Никифора получилъ... Пшестъ Никифоръ, что когда мнѣ «дѣли», такъ ему все сѣдо досталось и грамъ фонт... — «Ты, говоритъ, не сумѣвайся: у меня все будетъ дѣло и, когда прѣдѣшь, отдашь...» — это какъ-же Петя, ты объяснишь мнѣ? Хорошій Никифоръ чезовъ, или душой?

— От-чень хорошій!... А «подыталъ» все таки «подыталъ»? И слѣплого въ домъ выгналъ?

— Отъ какой ты неспосиль!

Капитанъ даже расердился. — Лежать, поворачиваться въ стѣнѣ, и заблуждаться, лежать и заблуждаться!...

На этотъ разъ разговоръ, совсѣмъ оборвался. Мнѣ было тяжело видѣть Петину ослѣдственность и радостно было опумать пробужденный миръ и спокойную тишину въ душѣ капитана.

Я прогнулся со слѣплыми и капитанъ вызвался меня провезти. Мнѣ показалось, что опъ еще то-то хотѣлъ сказать, мнѣ.

Мы вались подъ руки и тихо пошли по пыльной дорогѣ лагеря.

— Продавать мальчикъ... Воюсъ за него... Капитанъ говорилъ потопомъ, точно боялся, что Петя его услышитъ.

— Каждый день жду, что како-нибудь несчастье съ нимъ случится... Видъ вы знаете, опъ уже разъ въшесть падулакъ. Изъ пети вынулъ... Все твердитъ одно и тоже: «А вдругъ мнѣ еще сорокъ лѣтъ жить придется? Очень ослѣдствовалъ душа у мальчико...» Барышня у него, бѣднѣлая, была, вѣрета... Опъ ей слово возразилъ... — «Зачѣмъ, — говоритъ, я ей жизнь отравлю? Ну, она заплакала, заплакала, да и вышла замужъ за другого... А у него это болѣе, болѣе болѣе... Мальчикъ красивый, говоритъ, быть, жить хочется... Вотъ опъ и будетъ... Противъ судьбы будетъ, противъ Россіи, даже противъ Бога и то бунтовать хотѣлъ... Ужасно ослѣдствовалъ мальчикъ... Того и жду, что этотъ глѣвъ противъ судьбы захлестнетъ его... А ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, повенится?...

Капитанъ проводилъ меня до самой моей палатки, потомъ я пошелъ провожать его и, когда мы опять вошли въ нему, Петя все лежалъ, на своей койкѣ лицомъ къ стѣнѣ и, какъ мнѣ показалось, плакалъ... Но это только показало... Опъ узналъ насъ по голосамъ и опять, не поворачивая головы, съ безнадѣждою тоской проговорилъ:

— А вдругъ мнѣ еще лѣтъ сорокъ жить придется?

АЛЕКСАНДРЪ ЯБЛОНОВСКИЙ.